

БИБЛІОГРАФІЯ.

По поводу отзыва о трудѣ: „Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новыя вѣка“.

Г. А. Шеманскій помѣстилъ въ «Военномъ Сборникѣ» ¹⁾ отзывъ о моемъ трудѣ: «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новыя вѣка (VI—XVIII столѣтія)». Изданіе 2-е, переработанное и сокращенное (съ отдѣльнымъ атласомъ) 1907 года.

Вполнѣ признаю право рецензента не только высказывать свое мнѣніе о разсматриваемомъ трудѣ, но и ставить автору вопросы, вызываемые пользою дѣла; однако, на мой взглядъ, мнѣніе рецензента о моемъ трудѣ недостаточно обосновано, а поставленные имъ вопросы показываютъ, что онъ нерѣдко находитъ въ этомъ трудѣ то, чего въ немъ нѣтъ и не находитъ того, что въ немъ есть,—короче, что постановка нѣкоторыхъ вопросовъ основана на такихъ недоразумѣніяхъ, отвѣтственность за которыя я на себя принять не могу.

Пишу настоящую статью только для того, чтобы попытаться разъяснить эти недоразумѣнія, насколько это зависитъ отъ меня.

Вопросъ первый.

Рецензентъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что какъ въ предисловіи, такъ и во всемъ моемъ трудѣ нѣтъ самаго главнаго—*отвѣта на вопросъ—«что такое военное искусство?»*

На это я отвѣчаю, что въ названномъ моемъ трудѣ не должно было заключаться опредѣленія военнаго искусства по слѣдующимъ соображеніямъ:

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1908 г., № 10. Библиографія, стр. 257—261.

А) «Въ постановкѣ тѣхъ трехъ предметовъ, которые съ самаго основанія академіи были признаны первенствующими въ академическомъ курсѣ, именно тактики, стратегіи и военной исторіи, сдѣлано съ 1865 года то существенно важное нововведеніе, что предметы эти поставлены въ ближайшую тѣсную между собою связь такъ, какъ бы они составляли предметъ одной кафедры, военного искусства...» ¹⁾. «Обзоръ исторіи военного искусства» входилъ первоначально въ курсъ тактики ²⁾. Позже онъ былъ присоединенъ къ курсу военной исторіи ³⁾. Съ теченіемъ времени значеніе исторіи военного искусства увеличивалось, и курсъ ея составилъ такой же отдѣлъ академическаго курса военного искусства, какъ военная исторія, стратегія и тактика ⁴⁾.

При такомъ объединеніи всѣхъ этихъ четырехъ частей одного пѣлаго и при соответственномъ ихъ распредѣленіи между профессорами, признавалось необходимымъ выиграть возможно больше времени по каждому отдѣлу, для чего не допускать или, по крайней мѣрѣ, избѣгать повторовъ. Установленіе понятія о военномъ искусствѣ возлагалось обыкновенно на профессора стратегіи или тактики, который дѣйствительно былъ обязанъ дать опредѣленіе, требуемое г. Шеманскимъ; профессора же военной исторіи и исторіи военного искусства могли или примкнуть въ этомъ отношеніи къ тому представителю общей кафедры, который далъ это опредѣленіе, или же сдѣлать новую попытку установить понятіе о военномъ искусствѣ, если они не были согласны съ упомянутымъ своимъ товарищемъ по кафедрѣ.

Такимъ образомъ, если я соглашался въ этомъ отношеніи съ профессорами, на коихъ возлагалось установленіе понятія о военномъ искусствѣ, то я не былъ обязанъ вводить опредѣленіе этого искусства въ мой курсъ, считая, что мои слушатели уже это знаютъ.

Тѣмъ не менѣе, въ 1-й части перваго изданія моего «Краткаго курса исторіи военного искусства въ средніе и новые вѣка» (изд. 1893 года) ⁵⁾, о военномъ искусствѣ, какъ *практическомъ дѣлѣ*, сказано нижеслѣдующее:

«Главная задача военного искусства, понимаемаго въ послѣднемъ смыслѣ, сводится къ искусному употребленію войскъ и вообще всѣхъ средствъ, имѣющихся для веденія войны, какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на полѣ сраженія, въ видахъ достиженія

¹⁾ См. *Глгмосецкій*. «Историческій очеркъ Николаевской академіи генеральнаго штаба (1882 г.)», стр. 233 и 249.

²⁾ Тамъ же, стр. 52.

³⁾ Тамъ же, стр. 55.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 161 и т. д.

⁵⁾ «Вегупленіе», стр. 1.

цѣли войны въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями...» ¹⁾).

Если сравнить это опредѣленіе съ опредѣленіями професоровъ Г. А. Леера ²⁾ и А. К. Пузыревскаго ³⁾, то окажется, что существеннаго разногласія между нами не было, и даже я какъ бы сближалъ между собою обоихъ ведшихъ много споровъ, старшихъ представителей нашей кафедры.

В) Курсъ всеобщей исторіи военнаго искусства читался двумя профессорами, причѣмъ мой товарищъ читалъ отдѣлы древневѣковъ и Наполеоновскій ⁴⁾, а я—отдѣлы средневѣковъ и часть новыхъ вѣковъ до XVIII столѣтія включительно ⁵⁾. Опять таки и здѣсь нужно было заботиться о достиженіи возможнаго единства между этими частями курса. При печатаніи 2-го изданія моего «Краткаго курса» я предполагалъ добавить къ нему, въ видѣ отдѣльной книжки, особое «Введеніе въ курсъ исторіи военнаго искусства», въ которомъ заключалось бы прежде всего мотивированное опредѣленіе военнаго искусства, или отвѣтъ на вопросъ: «что такое военное искусство». По независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ я этого исполнить не могъ ⁶⁾. Въ общемъ, по этому вопросу, я дѣлалъ больше, чѣмъ былъ обязанъ дѣлать.

Вопросъ второй.

Рецензентъ отмѣчаетъ мой методъ: «обзоръ развитія военнаго искусства параллельно съ развитіемъ народовъ и обществъ» и находитъ, что «исторія государствъ, народовъ и обществъ», мною трактуемая, есть «не больше, какъ обзоръ военныхъ фактовъ этой исторіи и обратно—оцѣнка военныхъ фактовъ общимъ токомъ событій исторіи» ⁷⁾.

Въ свою очередь, я долженъ спросить рецензента: одно ли и то же «Исторія государствъ, народовъ и обществъ» и «исторія развитія народовъ и обществъ»? Въ ожиданіи его отвѣта считаю себя вправѣ допустить, что онъ отождествляетъ эти два понятія. А въ такомъ случаѣ не удивительно, что его въ этомъ отношеніи моя работа не удовлетворяетъ. По его объясненію, причина этого кроется въ

¹⁾ Опредѣленіе военнаго искусства имѣется и въ другихъ моихъ трудахъ.

²⁾ См. его «Опытъ крит. истор. изслѣд. зак. иск. вед. войны», рядъ изданій его «Стратегіи» и т. д.

³⁾ См. его «Исторію военнаго искусства въ средніе вѣка», I, предисловіе, стр. 1.

⁴⁾ Эпохи революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнъ.

⁵⁾ Кончая эпохою подражанія прусскимъ образцамъ.

⁶⁾ Я еще не отказался отъ мысли издать это «введеніе».

⁷⁾ Курсивъ мой.

«отсутствіи еще выработанныхъ наукой масштабовъ для оцѣнки стратегіи государства, государственныхъ фронтовъ, стратегіи всего «военнаго дѣла» какъ дѣятельности рѣшенія задачъ жизни вооруженной силой». Неужели я одинъ виновенъ въ этомъ «отсутствіи»? Полагаю, что даже самъ рецензентъ освободитъ меня отъ отвѣтственности за этотъ недочетъ, или, по крайней мѣрѣ, оставитъ за мною лишь небольшую долю отвѣтственности. Я же, съ своей стороны, предлагаю ему работать на этомъ поприщѣ и показать намъ, старымъ работникамъ, какъ работаютъ наши преемники. Мы сдѣлали, что могли, а «стратегію государства» и «стратегію государственныхъ фронтовъ» должны оставить на долю другихъ, идущихъ намъ на смѣну. Имъ и книги въ руки!

Вопросъ третій и послѣдующіе.

Рецензентъ отмѣчаетъ въ различныхъ главахъ моего труда цѣлый рядъ недочетовъ.

Каковы же эти недочеты?

А) Въ главѣ «отъ римскаго владычества до феодальныхъ временъ» ¹⁾ *недостаетъ краткой исторіи военной борьбы народовъ Европы и оцѣнки проявленнаго ими военнаго искусства.* На мой взглядъ, вводя въ эту главу то, что требуетъ рецензентъ, пришлось бы соотвѣтственно развить и другія главы, т. е. чрезмѣрно увеличить размѣры «Краткаго курса», а главное въ этомъ не было никакой надобности, ибо въ этой главѣ требовалось дать лишь самое общее понятіе о среднихъ вѣкахъ до эпохи расцвѣта феодализма, являющейся первымъ крупнымъ этапомъ на пути развитія военнаго искусства.

В) Въ главѣ «феодальной» ²⁾ *весьма «поверхностно» разобрано Штильфридское сраженіе,* можетъ быть, вслѣдствіе недостаточности источниковъ, о чемъ не оговорено. Сраженіе это приведено мною, какъ типичный образецъ боевъ того времени, когда бой раздроблялся на тысячи и десятки тысячъ поединковъ, и когда сраженіе могло начаться вслѣдствіе того, что конь одного изъ тѣлохранителей полководца шарахнулся и занесъ всадника въ среду непріятелей, а за нимъ послѣдовали товарищи и вся армія. Едва ли слѣдовало излагать его подробице.

В) *Въ болѣе обстоятельномъ разборѣ Бувинскаго боя есть странности,* напримѣръ: «союзники рассчитывали настигнуть противника на переправѣ... и встрѣчаютъ его изготовившимся къ бою...» какъ

¹⁾ У меня это глава 1-й части: «Государственное и военное устройство Западной Европы въ средніе вѣка до эпохи расцвѣта феодализма включительно».

²⁾ У меня это «эпоха расцвѣта феодализма».

будто застать на переправѣ однозначуще съ неизготовленностью къ бою вообще, а не къ одному бою «генеральному».

Союзники двинули часть своихъ силъ на Куртрэ и Лилль, съ цѣлью обойти лѣвый флангъ французовъ и идти прямо на Парижъ, а если король рѣшится дать сраженіе, то разбить его. Это побудило короля Филиппа начать 27-го августа отступление въ направленіи на кр. Пероннъ, съ цѣлью дать врагамъ сраженіе на равнинѣ близъ Камбрэ, дабы воспользоваться своимъ превосходствомъ въ кавалеріи. Разъ было принято такое рѣшеніе, то задерживаться долго «на переправѣ» не слѣдовало, ибо нельзя было быть готовымъ «къ бою вообще» во все время производства этой переправы. Между тѣмъ союзники получили невѣрные свѣдѣнія о бѣгствѣ французовъ къ Бувину и, повѣривъ тому, кто ихъ доставилъ, устремились вслѣдъ за французами весьма быстро, притянувъ къ окрестностямъ Бувина всѣ свои силы, вслѣдствіе чего опасность обхода для французовъ миновала. При измѣнившейся обстановкѣ, король, по совѣту Гарена, рѣшилъ дать бой впереди р. Марки, на правомъ ея берегу, для чего приказалъ войскамъ Монморанси, перешедшимъ уже на лѣвый ея берегъ, возвратиться на правый берегъ, дабы принять участіе въ бою. Что сдѣлалъ Монморанси для достиженія успѣха—извѣстно. Безъ его войскъ французы, хотя и изготовились «къ бою вообще», могли бы быть разбиты, вѣрнѣе даже не могли бы побѣдить. «Застать на переправѣ» не однозначуще съ «неизготовленностью къ бою вообще», но вступать въ бой во время перехода черезъ рѣку, отказываясь отъ привлеченія къ бою части силъ, съ рискомъ быть разбитымъ на ея глазахъ, едва ли желательно.

Въ моемъ трудѣ имѣется достаточно данныхъ для того, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ. Пожалуй, мнѣ слѣдовало добавить къ тому, что напечатано: «встрѣчаютъ его изготовившимся къ бою» еще два слова: *«всѣми силами»*.

Со стороны рецензента это нѣчто въ родѣ придирки изъ-за пустика. Такихъ «странностей» можно найти въ любомъ трудѣ любого автора сколько угодно.

Г) Рецензентъ говоритъ: въ главѣ о крестовыхъ походахъ 1) находимъ мысль автора оборванной на самомъ интересномъ мѣстѣ: «походы эти дали толчекъ къ возникновенію въ этой сферѣ дѣятельности (военное дѣло) новыхъ идей и понятій». Но «самыхъ идей и понятій авторъ здѣсь не приводитъ...» Если бы я пожелалъ ихъ тутъ же привести, то мнѣ пришлось бы впередъ сказать бездоказательно то, что я указываю въ послѣдующемъ изложеніи на основаніи по-

1) У меня это глава III. «Періодъ паденія феодализма и рыцарства въ Западной Европѣ».

путно излагаемыхъ фактовъ, чѣмъ только понапрасну увеличился бы объемъ книги. Остаюсь при томъ мнѣніи, что этого дѣлать не слѣдовало.

Д) Глава IV «возрожденіе пѣхоты», по мнѣнію рецензента, *должна быть озаглавлена «возрожденіе искусства (побѣдоносности) пѣхоты»* или «о несоотвѣтственномъ съ новыми условіями употребленіи рыцарской конницы»; *не научень мой выводъ, что «торжество пѣхоты обезпечивало дальнѣйшій прогрессъ военнаго искусства»; слѣдовало сказать: «не военнаго искусства вообще, а искусства конницы, ибо состязаніе между конницей и пѣхотой подобно востязанію между артилеріей и броней въ военно-морскомъ дѣлѣ».*

Рецензентъ упускаетъ изъ вида сущность дѣла, быть можетъ вслѣдствіе того, что смѣшиваетъ «исторію государствъ, народовъ и обществъ» съ «исторіею развитія народовъ и обществъ». Въ моемъ трудѣ, въ достаточной степени разъяснено, что возрожденіе пѣхоты и соотвѣтственное умаленіе значенія конницы были тѣсно связаны съ паденіемъ феодализма и явились слѣдствіями эволюціи, совершавшейся въ то время въ государственной организаціи и общественной жизни Европы.

«Состязаніе между конницей и пѣхотой» есть лишь часть дѣла, а не все дѣло. Ставить часть на мѣсто цѣлаго я не согласенъ.

Е) Въ главѣ VI рецензентъ нашелъ интересный выводъ: «когда во главѣ имперіи ¹⁾ и ея армій становились талантливые государи и полководцы, то въ отношеніяхъ этого государства съ сосѣдями и въ операціяхъ его армій происходили быстрые и рѣзкіе перевороты»... Въ свою очередь, и я признаю «интереснымъ» замѣчаніе рецензента: «Итакъ, по автору, съ одной стороны кривая военнаго искусства чертится въ зависимости отъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ причинъ, подъ давленіемъ медленной эволюціи развитія народовъ и обществъ, а съ другой—въ ней творятся какія-то пертурбаціи вродѣ «катаклизмы и экпирозисовъ» ²⁾ отъ появленія талантливыхъ военныхъ людей. Словомъ, какъ опредѣленіе военнаго искусства, такъ и путей его развитія—дѣло еще темное, не тронутое авторомъ въ должной мѣрѣ».

О томъ, какъ чертится кривая военнаго искусства, въ разсмотрѣнномъ рецензентомъ трудѣ я не говорилъ. Если онъ самъ сдѣлалъ этотъ выводъ при чтеніи моего труда, то на это была его добрая воля; самъ же онъ отвѣчаетъ и за правильность вывода. Я не говорилъ ни о «пертурбаціяхъ», ни о «катаклизмахъ и экпирозисахъ». Если рецензентъ призналъ необходимымъ ими воспользо-

¹⁾ Византійской.

²⁾ «Старая теорія образованія вселенной (см. исторію геологін)». Поясненіе рецензента.

ваться, то это слѣдовало оговорить, дабы читатели не приписывали мнѣ того, что примѣняетъ (и при томъ совершенно не кстати) мой критикъ. Но если ужъ онъ заговорилъ объ упомянутой кривой, то неужели ему неизвѣстно, что подобная кривая можетъ имѣть, между прочимъ, и волнообразный характеръ, причѣмъ въ упомянутыхъ имъ «пертурбаціяхъ» нѣтъ ничего неестественнаго. Такія «пертурбаціи» происходили и у другихъ народовъ и государствъ. вмѣсто того, чтобы дѣлать мнѣ подобный упрекъ, рецензенту слѣдовало бы доказать, что значеніе дѣятельности поименованныхъ мною императоровъ Маврикія, Ираклія, Іоанна Цимисхія и т. д. опредѣлено не вѣрно. До тѣхъ поръ, пока онъ не опровергнетъ того, что я говорилъ о дѣятельности этихъ императоровъ, считаю себя вправѣ признавать разсужденія его по этому вопросу не подлежащими дальнѣйшему обсужденію.

Ж) «Куликовская битва не растолкована съ точки зрѣнія удивительной утилизаціи русскими мѣстности, для парализаціи числа и силы натиска татаръ...» И не нужно было растолковывать ее въ книгѣ ¹⁾ такъ, какъ того требуетъ рецензентъ. Данныя необходимыя для того, чтобы подготовленные читатели могли сами это уразумѣть имѣются (стр. 96, выноска 5, стр. 97). Если такъ все растолковывать въ учебномъ руководствѣ, то не будетъ разницы между требованіями, предъявляемыми слушателямъ академіи и юнкерамъ военнаго училища.

З) «Въ главѣ VII преобладаетъ изложеніе политическаго взгляда на исторію Польши надъ взглядомъ военнымъ...» Опять тоже, что и въ вопросѣ 2-мъ, и въ пп. Д и Е вопроса 3-го. Изъ 5-ти страницъ (104—108), *посвященныхъ Польшѣ*, «политическому взгляду» посвящены, да и то лишь отчасти 2 (104—105). Гдѣ же тутъ преобладаніе?

Рецензентъ правъ, упрекая меня въ томъ, что я не далъ отчетной карточки и не изобразилъ мѣстности на планѣ сраженія при Танненбергѣ, но на это повліяли независѣвшія отъ меня обстоятельства ²⁾.

И) «Глава первая 2-й части книги ничего цѣльнаго не представляетъ—это обзоръ разныхъ деталей, второстепенныхъ въ дѣлѣ военнаго искусства». Въ числѣ этихъ деталей «оказываются: идеи Макіавелли и попытка къ ихъ осуществленію, идеи Гонзалва Кордуанскаго и ихъ осуществленіе, указаніе и характеристика трехъ эпохъ («переходнаго періода» новыхъ вѣковъ) въ развитіи тактиче-

¹⁾ Это нужно растолковывать на лекціи.

²⁾ Я оканчивалъ составленіе этого труда, не говоря уже о его печатаніи, послѣ выѣзда изъ Петербурга, а главное въ отношеніи исполненія чертежей встрѣтились большія затрудненія.

скаго искусства и т. п. Глава эта посвящена военному искусству въ переходный періодъ отъ начала новыхъ вѣковъ до эпохи Густава-Адольфа исключительно. Изложено все то, что признавалось необходимымъ для выясненія условій обстановки того времени, при которыхъ «стратегія не могла дать первостепенныхъ образцовъ», вслѣдствіе чего и выдѣляется столь рельефно слѣдующая за этимъ періодомъ эпоха Густава-Адольфа. Рецензентъ въ этомъ не разобрался, равно какъ и въ нѣкоторыхъ изъ числа слѣдующихъ вопросовъ, относящихся къ военному искусству Густава-Адольфа и особенно Фридриха Великаго. По мнѣнію рецензента, произведенная мною—оцѣнка Фридриха, какъ полководца весьма путаная и легковѣсная». Въ 1892 году я былъ признанъ конференціею академіи достойнымъ профессорскаго званія за трудъ, посвященный военному искусству Фридриха-Великаго. Затѣмъ я продолжалъ заниматься изученіемъ этого вопроса въ теченіе 14-ти лѣтъ, и въ результатъ получилась «оцѣнка путаная и легковѣсная!» Недостатки имѣются, конечно, и въ этой части книги, но и въ нихъ рецензентъ не разобрался.

1) Курсъ законченъ полъ страницей на тему «эпоха Наполеона», про которую туманно сказано, что она «завершаетъ собою почти весь подлежащій изученію періодъ исторіи этого (военнаго?) искусства»¹⁾.

Неужели рецензентъ не понимаетъ того, что отъ профессора, автора учебнаго руководства, можно требовать лишь исполненія той задачи, которая на него возложена, или которую онъ самъ на себя принялъ? Читаемый мною отдѣлъ курса оканчивался эпохою подражанія прусскимъ образцамъ (послѣ Фридриха Великаго). Я могъ не говорить о Наполеонѣ ни слова, ибо это была сфера, отведенная моему товарищу по кафедрѣ. Но я желалъ связать отдѣлы, читаемые мною и моимъ товарищемъ такъ, чтобы облегчить умственную работу слушателя академическаго курса и читателя нашихъ учебныхъ руководствъ. Въ этомъ случаѣ я считалъ необходимымъ «рас-толковать» эту связь, на что указываютъ и подзаголовки конца книги:

а) Вліяніе успѣховъ Фридриха на развитіе военнаго искусства въ Европѣ. Эпоха подражанія прусскимъ образцамъ.

б) Быстрое развитіе русскаго военнаго искусства до 1796 года и его пріостановка въ концѣ XVIII столѣтія.

в) Русская и прусская, а съ ними и остальные арміи отстаютъ отъ французской.

г) Революціонная эпоха.

д) Эпоха Наполеона I.

¹⁾ Авторъ напрасно пропустилъ слѣдующія послѣ того слова: «за исключеніемъ лишь послѣднихъ 90 лѣтъ». Вѣдь послѣ эпохи Наполеона I остается еще періодъ 1815—1905 годовъ, подлежащій особенно серьезному изученію.

Затѣмъ мною сказано: «Полное развитіе военнаго искусства можно усмотрѣть въ Наполеоновскихъ войнахъ... Поэтому и подведеніе итоговъ изученія исторіи военнаго искусства возможно лишь послѣ изученія важнѣйшихъ этаповъ его развитія въ эпохи революціонныхъ и особенно Наполеоновскихъ войнъ. Весь періодъ «среднихъ» и «новыхъ вѣковъ» (V—начало XIX столѣтія) составляетъ одно цѣлое, изученіе котораго (хотя бы не детальное) необходимо въ смыслѣ подготовки къ изученію войнъ новѣйшаго времени (начало XIX—начало XX столѣтія), а еще болѣе къ производительному прохожденію курса стратегіи...»

На мой взглядъ все это достаточно опредѣленно и ясно.

Рецензентъ, усматривая здѣсь какую-то «туманность», или не доходитъ до уразумѣнія сущности дѣла, или же сильно грѣшитъ противъ азбучнаго понятія справедливости.

К) Упомянувъ о *приложеніяхъ* къ моей книгѣ, рецензентъ отмѣчаетъ, что на страницахъ 504—512 они почти исключительно *политическія*. На этихъ страницахъ помѣщено только одно *приложеніе № 8*, въ которомъ дано понятіе о состояніи военнаго дѣла въ Польшѣ во вторую половину XVIII столѣтія, въ связи съ рѣшеніемъ польско-русскаго вопроса при Екатеринѣ II. Понять первое безъ второго невозможно. Къ тому же приходится считаться съ слабымъ развитіемъ въ нашемъ «образованномъ» обществѣ (какъ военномъ, такъ и не военномъ) познаній по исторіи Польши и отношеній ея къ Россіи. Въ виду этого, сокративъ почти повсюду во 2-мъ изданіи моего «краткаго курса» (въ сравненіи съ 1-мъ изданіемъ) изложеніе политическихъ отношеній, я нашелъ необходимымъ составить вновь и помѣстить здѣсь это приложеніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ, является и поясненіемъ того, почему и не включая его въ текстъ.

Въ своемъ заключеніи рецензентъ отмѣчаетъ слѣдующіе недочеты и ставитъ слѣдующіе вопросы.

А) *«Книга, кажется, написана не на тему, это не курсъ исторіи военнаго искусства, а курсъ исторіи военнаго дѣла, гдѣ времянами трактуется и собственно о «военномъ искусствѣ».*

Проявленія военнаго искусства, говоря сравнительно, весьма рѣдки. Поэтому приходится излагать исторію военнаго искусства и (на сколько необходимо) военнаго дѣла, дабы учащемуся было понятно, почему въ ту или другую эпоху военное искусство могло проявиться въ видѣ безсмертныхъ или приближающихся къ нимъ образцовъ, или же почему такое его проявленіе было невозможно. Изслѣдованіе хода развитія военнаго искусства должно быть обосновано, что безъ соответственнаго изложенія состоянія военнаго дѣла невозможно. Упрекъ рецензента не основателенъ.

Б) «Это (что книга написана не на тему) произошло отъ отсутствія плана труда: нѣтъ опредѣленія военнаго искусства и нѣтъ [теоріи послѣдняго, кромѣ теоріи искусства *оперативнаго*. Это отразилось и на отсутствіи общихъ выводовъ по курсу. Девизъ, избранный авторомъ для своего курса, обязывалъ его особенно поработать надъ планообразностью книги». Кромѣ иллюстрированія авторомъ разныхъ эпохъ и случаевъ военнаго искусства», рецензентъ желалъ бы «видѣть еще и строгое изслѣдованіе эволюціи искусства на основаніи имъ же (авторомъ) выработанныхъ и доказанныхъ масштабовъ».

Планъ труда изложенъ въ предисловіи, главнымъ образомъ, на страницахъ XX—XXV. Общихъ выводовъ нѣтъ. Такъ какъ это не послѣдняя, а средняя часть курса. Полагаю, что надъ «планообразностью» книги я поработалъ достаточно. Для того, чтобы удовлетворить рецензента, я долженъ былъ бы поработать не только за себя, но и за большую часть моихъ товарищей по кафедрѣ ¹⁾. На мой взглядъ, это было невозможно. А если рецензентъ считаетъ это возможнымъ, то пусть самъ попробуетъ это сдѣлать.

Рецензентъ отмѣтилъ и положительныя стороны моего труда. Онъ разсматривалъ этотъ трудъ и писалъ отзывъ безъ малѣйшаго злорадства, писалъ такъ, какъ думалъ, вполне искренно, стараясь выявить недостатки моего труда ради пользы общаго дѣла.

Нисколько не претендуя на него, я надѣюсь, что и онъ не посѣтуетъ на меня за то, что и я отвѣтилъ ему столь же прямо и искренно. Быть можетъ, также и онъ приметъ мой совѣтъ соблюдать большую точность въ цитированіи того, что пишутъ авторы разбираемыхъ имъ трудовъ, и не торопиться съ заключеніями вродѣ того, что у такого то автора нѣтъ плана и т. п. Рецензенту неизвѣстно то, что думалъ авторъ, работая надъ составленіемъ книги. Нужно много работать и много знать для того, чтобы вѣрно угадывать мысли автора. Торопливое заключеніе чаще всего грѣшитъ противъ истины, а въ такомъ случаѣ сбиваетъ съ толку читателей и вообще приносить дѣлу вредъ, а не пользу. Другому рецензенту, желающему лишь «отдѣлать» автора, я бы этого не говорилъ, ибо на него бы это не подѣйствовало. Но авторъ разсмотрѣнной мною реценціи, видимо относящійся къ дѣлу съ горячею любовью и стремящійся къ истинѣ, вполне можетъ понять и примѣнить на практикѣ мною сказанное, отъ чего его будущія работы могутъ только выиграть.

П. Гейсманъ.

¹⁾ За остальныхъ профессоровъ исторіи военнаго искусства и военной исторіи и отчасти за профессора стратегіи.